Прошла неделя с момента пробуждения Целицета. Он многое узнал о своем новом теле и о том, где теперь живет. Теленок обнаружил, что гора, которую он разрушил, была не просто горой, а Олимпом. Он был поражен и в то же время испытывал гордость за то, что уничтожил 21-километровый (13,19 миль) вулкан, даже если это произошло благодаря странной случайности и чистой удаче. Вулкан, окруженный знакомыми красными песками, негостеприимной безжизненной пустошью, пыльными бурями и великолепным голубым Солнцем на закате и восходе, казался ему меньшим, чем Солнце, видимое с Земли. События складывались слишком удачно: он перевоплотился на Марсе, хотя не знал, в какой вселенной он оказался. Он надеялся, что это не вселенная DC или Marvel Comics, и не окружена злонамеренными могущественными существами, охотниками за душами «смертных» ради забавы и шуток. Целицет не углублялся в мысли о том, что или кто мог способствовать его перевоплощению — это была, вероятно, кроличья нора, ведущая к безумию. По сути, это было бессмысленно — беспокоиться о вещах, которые находятся вне его власти и контроля. Он был беззаботным детенышем кита, а беззаботные киты — это счастливые киты, которые не волнуются о таких вещах, как всемогущие существа, играющие в шахматы с душами «смертных».Несмотря на это, он занялся исследованием своих новых способностей и тела. Он чувствовал, что его разум стал гораздо более развитыми и при этом совершенно чуждым человеческому, словно его мозг был одновременно несколькими мощными суперкомпьютерами — по крайней мере, в плане чистой вычислительной мощности. Он мог выполнять несколько задач одновременно, как будто у него было несколько разумов. Это испытывало приятно чувство, что его мысли стали гораздо более ясными и острыми. Он мог ощущать магнитные поля, гравитацию, излучение и многие другие аспекты, которые наполняли его голову новой информацией, и каждый раз напоминали ему, что он не человек. В конце концов, он не должен был расстраиваться по поводу этого. Он умер и получил второй шанс стать сверхмощным космическим китом — зачем же ему жаловаться?Он мог создавать червоточины, изгибая гравитацию вокруг своего тела. Это был вход или «черная дыра», а в другом месте — выход или «белая дыра», две из которых соединялись односторонним пространственно-временным туннелем, названным гиперпространством. (Представьте Звездные Врата: Целицет — это вход в ворота, но он также может двигаться к любому выходу, который создаст и пожелает. Или простой односторонний портал, который поглощает предметы в точке А и выбрасывает их в точке Б. Надеюсь, это не слишком запутанно.)Пока что у него не было большого контроля над этим — он мог лишь перейти из точки А, своей, в точку Б. Казалось, его тело было жестко запрограммировано делать только это. Однако он чувствовал, что в будущем сможет контролировать свои способности и развить их, превратив в нечто большее, чем «простую» способность перемещения, которой она сейчас была. Тем не менее, он понимал, что для создания двух соединенных мини-червоточин требуется огромное количество вычислений и мощности, что с точки зрения его прежнего человеческого опыта казалось непосильным. Однако с точки зрения космического кита это казалось вполне нормальным. Это показывало, как сильно он изменился за столь короткое время и как тело влияет на разум. Из-за этого использование своих новых способностей утомляло его как физически, так и умственно. У него даже были своего рода временные «перерывы» для его мозга, чтобы, так сказать, остыть. Чем меньше он понимал свое предназначение, тем более обременительным это становилось.Однако одной из хороших вещей было то, что расстояние влиял на его «цену» лишь незначительно. Можно сказать, что первый выход в гиперпространство оказался довольно странным и незабываемым опытом. Вот почему, сразу после прыжка в космос, его многоминутное мощное пение вынудило его почувствовать усталость и сильный голод. Он ощутил стремление парить все выше и выше, и именно это он и сделал. Когда он почувствовал, что достаточно высоко, он открыл свой огромный рот. В его челюсти были видны кристаллоподобные пластины из китового уса, тонкие как волос, негибкие, острее обсидиана и в пять раз прочнее алмаза. Затем он почувствовал, как в его животе и горле одновременно заработали разные органы, о которых он не знал, и начал глотать воздух. Сила всасывания была настолько велика, что даже

взрослый африканский слон мог бы быть затянут внутрь, и бедному животному это совсем не понравилось бы, особенно встреча с китовыми усами.Целицет не знал этого незначительного факта о своих новых «зубных промежутках», даже когда играл с ними своим гигантским языком, который не имел ни разреза, ни раны, поскольку был покрыт тем же материалом, но более гибким и тупым. Тысячи тонн различных газов, жидкостей и частиц вокруг начали всасываться его открытой пастью. Он чувствовал, как всё попадает в несколько органов, напоминающих желудок, что поначалу казалось несколько неправильным. Если оставить в стороне его неверие в поглощение неорганической материи, сделанное таким нечеловеческим образом, всё происходило корректно и не имело неприятного вкуса.Он продолжал плавать в этом состоянии до конца дня, периодически чувствуя нечто похожее на чихание. В такие моменты он прекращал есть, расправлял два дыхала на макушке и на несколько минут извергал голубоватый и яркий туман, словно наполненный странной энергией. С другой стороны, он заметил, что стал более непоседливым и игривым; он даже ловил себя на том, что зовет своих «родителей» — по крайней мере, так он это воспринимал, но, очевидно, никто не отвечал на его призыв. Это было немного удручающе: в прошлой жизни он потерял родителей в авиакатастрофе за день до своего 24-летия. Они были последними членами его семьи, поэтому отсутствие «родителей» в этой новой жизни было поистине печальным моментом. Однако эти его призывы помогли ему осознать, что он все еще младенец, точнее — теленок. Он знал немного о китах, любил животных и всегда считал их величественными, красивыми, а также мощными и грациозными.Киты и вообще китообразные существа были чрезвычайно общительными и умными животными, а также великолепными матерями; не будет неправдоподобно, если их светящиеся космические и инопланетные аналоги, его вид, будут проявлять некоторое сходство в поведении. Он также заметил, что за эту неделю он вырос, но не знал, на сколько именно. Его единственным инструментом измерения были валуны, размер которых он даже не представлял. Он становился все больше и больше с каждым днем, но насколько — это оставалось для него загадкой. Он не имел ни малейшего понятия о своем собственном росте и не любил свою беспомощность в этом вопросе. У него не было какой-то глупой системы, которая давала бы ему информацию о вещах и диктовала каждое его движение. Для него это была настоящая жизнь, а не какая-то видеоигра, где все подается на блюдечке. Ему нужно было открывать, тестировать, узнавать и постигать все о своем новом «я» своими собственными руками, или, что вернее, ластами. Он также экспериментировал со своим контролем гравитации, сначала передвигаясь с помощью левитации, буквально плавая в воздухе. Ему это чертовски нравилось; он мог двигаться так, как хотел: в любом направлении, на любую высоту, вниз и вверх — все это казалось ему бессмысленным, даже если он был немного медлителен по сравнению с какой-то птицей из своей прошлой жизни. Хотя он все равно был быстрее обычной машины, он не мог остановить свою самолевитацию, поскольку она была связана с его сердцебиением — не то чтобы он смог бы остановиться, даже если бы это было возможно. А зачем ему это в первую очередь? Вопреки всем его инстинктам, виды Caelicetus переставали бросать вызов гравитации, когда умирали или входили в криптобиоз, чего они, по сути, никогда и не делали. Теленок чувствовал себя свободнее, чем птица в небе или рыба в море; это ощущение было гораздо более глубоким, чем привычное чувство ходьбы, которое он помнил из своей человеческой жизни. Он также мог заставлять предметы левитировать, изменяя их вес, притягивая, толкая, останавливая, увеличивая или создавая гравитационное удержание на них. Для краткости, он менял гравитацию объекта и его окружения, создавая силу, подобную телекинезу, которая могла бы сделать гораздо больше. Текущая проблема заключалась в том, что он был похож на младенца, который одновременно учится ходить, говорить и использовать свои руки. Ну, Целицет был буквально младенцем; поэтому он был очень неуклюжим, и его контроль, в лучшем случае, оставлял желать лучшего, но он улучшался. Даже с его супер-интеллектом он не мог освоить гравитокинез за одну неделю, и, более того, он был растущим теленком, который проводил большую часть своего времени, поглощая пищу и борясь с контролем своей энергии. Когда ты отправляешь валун в

космос или превращаешь его в мелкую пыль, просто пытаясь заставить его парить прямо над землей, это значит, что твой контроль далеко не идеален. Но он все равно получал удовольствие; кто бы не хотел? Он даже видел, как один из предметов устроил в небе красивый фейерверк. Он продолжал жить так, и прошли пять лет, о которых он даже не догадывался. Он ел, рос многократно; по его подсчетам, он стал в пять раз больше, чем был в момент пробуждения, и в двести раз тяжелее (130 метров в длину и весом более 40 000 тонн) — и он все еще продолжал расти. Он никогда не спал по-настоящему; лишь одна часть его мозга погружалась в сон, и они менялись каждый раз. Теленок не покинул Марс — он пока не чувствовал себя готовым к этому, но скоро готовость настанет. Не то чтобы он уходит надолго. Он совершенно забыл о существовании людей, пока не увидел странные длинные следы шин на своем Марсе. Да, он считал планету своей и только своей; если другие намеревались прийти или родиться на ней, они должны были ему подчиняться. Его инстинкт подсказывал ему это, если только они не желали оказаться отправленными в другое измерение. В течение первого года Целицет чувствовал, как ядро Марса глубоко резонирует и соединяется с ним, словно это был его спасательный круг и единственная надежда, которой он и был. И он был более чем доволен этим. Это очень помогло ему справиться с отсутствием родителей и товарищеских отношений, которых жаждали его инстинкты. Поэтому, когда он увидел маленький вездеход в конце дороги, его охватила ярость, но затем он подавил желание раздавить машину. Это был всего лишь робот, и потерять над ним контроль было бы унизительно. И вот у него возникли лучшие идеи, когда он заметил камеру на вездеходе. Он мог использовать ее, чтобы подшутить над людьми.

http://tl.rulate.ru/book/76418/2282579